

© 2019 г.

И. И. ОРЛИК

**НАЧАЛО ЭРЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ (к выходу книги
В. Л. Малькова «Вхождение в ядерную эру»)**

Орлик Игорь Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004845-7

XXI век принес человечеству новые, еще более опасные, чем ранее, угрозы. Второе десятилетие нового века войдет в историю как начало периода крупных геополитических потрясений во всем мире. Этому способствуют и безостановочное развертывание новых средств доставки ядерного оружия, и «совершенствование» самого ядерного потенциала. Это одна из причин, почему внимание исследователей современности все больше привлекают проблемы ядерного противостояния, в том числе и самые ранние его истоки, когда еще не принято было говорить о возможности создания «абсолютного» оружия.

Фундаментальная монография известного историка-американиста, Заслуженного деятеля науки РФ, лауреата Государственной премии СССР, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук, профессора В. Л. Малькова «Вхождение в ядерную эру»¹ по глубине исследования и по обилию документальных материалов значительно превосходит (во всяком случае, за последние 20 лет) публикации по этой теме не только в России, но и в Соединенных Штатах. К тому же книга В. Л. Малькова чрезвычайно актуальна в наше тревожное время. В этом отношении она и поучительная, и настораживающая, как предупреждение о неубывающей опасности.

Структура книги, несмотря на интригующие заглавия каждой из 17 глав, вполне логична, а изложение событий весьма последовательно, подчас определяя не только даты, но даже часы и минуты происходившего в моменты высшего напряжения в отношениях между странами. В ней автору удалось воплотить и суть замысла книги — передать картину возникновения и развития параллельных историй двух гигантских научно-индустриальных военных проектов, воплотивших в себе борьбу конфликтных начал, цивилизационный кризис послевоенной эпохи. Атомная дипломатия на протяжении длительного времени выражала основные черты и особенности этого кризиса, его субстанциональный характер и значимость для всего последующего процесса.

Десятками новейших работ представлены в монографии исследования отечественных и иностранных авторов. Но в основу книги В. Л. Малькова положены архивные материалы, американские и российские. Именно они помогают увидеть истоки создания нового оружия, а затем и гонки ядерных вооружений. Заметим, кстати, что фактически впервые в полном объеме автором вводится в научный оборот уникальное и к великому сожалению малоизвестное широкому читателю издание

¹ *Мальков В. Л. Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия от начала к паритету. М., 2018, 647 с.*

документов – многотомный труд отечественных ученых-ядерщиков, архивистов и историков «Атомный проект СССР: документы и материалы» под общей редакцией Л. Д. Рябева.

Поражает обилие источников, использованных автором. Помимо основных архивохранилищ Российской Федерации, автор исследовал архивные фонды Соединенных Штатов, в том числе Библиотеки Конгресса США, Гарвардского, Принстонского, Йельского университетов, около 30 личных архивных фондов. Этот трудный поиск подчинен объяснению сложнейших дипломатических коллизий военных лет и первого послевоенного десятилетия.

Назовем ключевое из них. С самого начала атомных исследований и практической работы по созданию атомной бомбы союзники СССР по антигитлеровской коалиции – США и Англия скрывали свои далекоидущие цели «английского» замысла атомной бомбы, а затем совместного Манхэттенского проекта (с. 7–8). Эта скрытность порождала все усиливающийся кризис доверия между странами антигитлеровской коалиции. Именно поэтому многие документы долгое время не были известны исследователям. Они неопровержимо свидетельствуют – речь шла о сохранении надолго, если не навсегда, монополии англо-саксонских стран на атомное оружие.

Монография В. Л. Малькова начинается пророческим высказыванием одного из советских создателей атомного оружия руководителя КБ-11 в Сарове Ю. Б. Харитона: «Атомное оружие, породив глобальные проблемы, в том числе и моральные, во многом предопределяет сейчас стратегию мировой политики. По этой причине исследователи вновь и вновь будут обращаться к начальным драматическим страницам атомной эпохи, стараясь “докопаться” до их подлинного содержания» (с. 3).

Казалось бы, какое отношение имеет «вхождение в ядерную зону» к окончанию Первой мировой войны? Но тем не менее автор совершенно справедливо видит начало будущей гонки ядерных вооружений во времени после ее окончания. Автор пишет: «Победоносно завершившаяся война Антанты и ее союзников против блока Центральных держав расколола мир на две части: человечество, воодушевленное высокими мотивами “победы без победителей”, вильсоновской идеей нового миропорядка, добровольного отказа от насилия и принуждения сильным слабым, и сторонников нового реванша, сложивших оружие, но не забывших о нем» (с. 14). Вооружение государств не только не прекратилось, но приобрело еще более угрожающий характер. Но это еще далеко не та угроза, которая нависла над человечеством после Второй мировой войны. И здесь В. Л. Мальков разворачивает картину исходной стадии «вхождения в ядерную эру», начиная от лабораторного уровня и кончая испытанием готовых «изделий».

Очень важным для понимания научной разработки сложных проблем атомной эпопеи было, говоря словами Ю. Б. Харитона, «докопаться» до подлинного содержания ее важнейших страниц. Такую попытку «докопаться» до подлинного содержания атомной эпохи предпринимает (наряду со многими исследователями) и В. Л. Мальков. И в данном случае весьма плодотворным является сопоставление усилий западных и советских ученых в 30-е годы. Автор констатирует, что угроза фашизма везде воспринималась как нечто, требующее экстраординарных мер защиты. Причем при всех разногласиях в ученом сообществе рождалось особое внимание к ядерной физике, «разрушению атома», как тогда говорили. А общим мотивом – опережение Третьего рейха. Интернациональные связи крепили, формируя по существу общее дискуссионное пространство. Нельзя забывать, что большая группа молодых советских физиков прошла хорошую школу в Англии, Дании, Италии, где их наставниками были Э. Резефорд, Н. Бор, Р. Г. Фаулер, Э. Ферми, а собеседниками – Р. Пайерлс, П. Дирак, Ф. Жолио-Кюри, К. Фукс и др. Н. Бор бывал в Ленинграде, где у него было много друзей и последователей. Среди стажировавшихся за рубежом – Г. А. Гамов, П. Л. Капица, Ю. Б. Харитон, Л. Д. Ландау, Д. Д. Иваненко, А. И. Лейпунский, К. Д. Синельников и др.

Увы, интеллектуальной элите Запада в целом не удалось выработать адекватное представление о науке в СССР, о новом поколении советских физиков, энтузиастов

приручения ядерной энергии». «Сказать определенно, — подчеркивает В. Л. Мальков, — кто раньше — советские или западные ученые — теоретически могли бы подохнуться к открытиям прорывного характера, нельзя». И продолжает: «Требовался некий толчок, который мог быть дан из любого источника: правительственных органов, разведки, частной переписки или научной периодики. Это выяснилось позднее, но по окончании войны стало совершенно очевидно, что разведывательные службы, университеты, дипломатические учреждения в западных странах вплоть до начала Второй мировой войны не были знакомы с реальным положением в советской индустрии, науке, образовании, государственном аппарате. Сделать сколько-нибудь достоверный прогноз о способности СССР отстоять свои интересы и статус страны, с которой следует считаться, для интеллектуалов Запада было просто невозможно» (с. 59). Есть еще понятие инертности мышления. Его преодолели не сразу. Поверить в свои силы было сложно и ученым в СССР. Но время взяло своё.

«К середине 1944 г. — пишет В. Л. Мальков — стало понятно, что атомную бомбу можно сделать. Америка была живым примером. Там оказались сосредоточены главные научные силы всего мира, созданы мощная лабораторная и промышленная базы в области ядерной физики, которые нельзя было утаить, они говорили сами за себя» (с. 83). Отставание СССР было все еще пугающим. Но и источники его преодоления оказались многообразными. В первую очередь это были люди советской школы. На передний план выходили патриотический энтузиазм молодых соратников И. В. Курчатова, их заряженность его решимостью и неутомимостью, бесстрашие перед неизведанным, интеллект, научное свободомыслие и азарт первопроходцев. В книге В. Л. Малькова ведущим представлен именно этот фактор. Ссылаясь на одного из ближайших сотрудников Курчатова Г. Н. Флерова, он пишет о важном значении интеллектуальной истории советской атомной бомбы и отмечает синхронность течения научной мысли в СССР и передовых зарубежных школ.

В. Л. Мальков исследует и детально излагает весь ход советского атомного проекта, деятельность его первых руководителей И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, И. Е. Тамма, В. М. Молотова, М. Г. Первухина, Б. Л. Ванникова, их взаимодействие с политическим руководством страны и прежде всего с И. В. Сталиным, создание атомных объектов и принятие важнейших решений, таких как Постановление Государственного Комитета Оборона «О развитии работ по проблеме урана», подготовленный Первухиным и Курчатовым в начале июля 1944 г. и Постановление Государственного Комитета Оборона от 20 августа 1945 г. о создании Специального комитета при ГОКО под председательством Л. П. Берии².

Одним из до сих пор обсуждаемых вопросов является роль советской разведки в раскрытии американских «атомных секретов» и их использовании в создании советской атомной бомбы. В. Л. Мальков основательно исследовал эту проблему. Он высказывает предположение, что «чем выше становилась плотность секретности, окружающей процесс создания и совершенствования новых видов оружия союзниками СССР, тем быстрее росли подозрительность Кремля и его желание не дать себя “надуть”... где само понятие боевого содружества неизбежно принимало относительный характер. Морализировать по этому случаю — значит впустую тратить время» (с. 125).

Против «американской секретности» выступали многие ученые как в США, так и в других странах. Но наиболее активным в этом отношении был Н. Бор, который более четко, чем другие, представлял, к чему приведет монополия одной страны на ядерное оружие. Н. Бор «лучше, чем многие другие сознавал, что надежды большинства политиков на длительное научно-техническое отставание Советского Союза в военной области не имели под собой серьезного основания» (с. 134). И далее в монографии подробно изложены суждения Н. Бора, в том числе и о научно-техническом потенциале России, профессионализме ее ученых и ее возможности самостоятельно создать

² См. Атомный проект СССР. Документы и материалы, т. II, кн. I. М. — Саров, 1999, с. 11–13.

атомное оружие. Особый интерес представляют материалы о беседе Н. Бора с президентом Ф. Д. Рузвельтом. Вывод автора монографии заключается в том, что Н. Бор отвергал «высокомерные упования на научно-техническое отставание Советского Союза» и предупреждал «об опасности строить политику на иллюзиях сохранения на длительный период военного превосходства, опираясь на опережающий рынок (США и Англии — *И. О.*) в области атомных исследований» (с. 143).

Большой интерес представляет проведенный В. Л. Мальковым анализ изменения позиции Ф. Рузвельта по поводу секретности атомного проекта и уведомления советского руководства о проведении в США подготовки атомной бомбы. За месяц до смерти Рузвельт утверждал, что «настало время рассказать русским, насколько далеко продвинулись работы над проектом бомбы. Если пытаться и дальше тщательно скрывать от них факт создания нового оружия, это может обернуться бедой» (с. 183).

Рузвельт умер 12 апреля 1945 г. Можно только предположить, как развивались бы события и были бы сброшены атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, если бы Рузвельт был жив. Извечный вопрос: «что было бы, если бы...». Рузвельт умер, пишет В. Л. Мальков, подводя итог этим размышлениям, «не оставив никаких четких и обязательных для новых лидеров страны распоряжений касательно атомной бомбы и ее использования. Недоумение одних служило аргументом в пользу сохранения свободы рук для других» (с. 197). Новый президент Г. Трумэн принадлежал к тем самым другим.

Переход к «обновленной логике внешнеполитического мышления» был отмечен разногласиями. Результатом стал подготовленный военным министром Г. Стимсоном и приведенный в книге «Меморандум, обсужденный с Президентом 25 апреля 1945 г.» (с. 209–211). В пространный документ, состоявшем из девяти пунктов, была изложена по существу новая стратегия Соединенных Штатов. В нем предчувствие катастрофичности для человечества стихийного процесса производства и распространения атомного оружия соседствует с осознанием ответственности за будущее его создателей.

Вот некоторые основные пункты этого документа:

1. Завершается изготовление «самого ужасного оружия, когда-либо известное в человеческой истории, один боеприпас этого оружия может уничтожить целый город».

2. Ни одна страна в течение нескольких лет не сможет выйти на тот же уровень.

3. В будущем бомба может быть изготовлена и малыми странами или в более короткий срок большой страной.

4. Единственное государство, которое могло бы начать производство этого вида оружия через несколько лет, — это Россия.

5. Мир окажется заложником атомной бомбы.

6. Наша руководящая роль в производстве этого оружия «налагает на нас определенные моральные обязательства». Отсюда необходимо «взять на себя очень серьезную ответственность за любые катастрофические последствия».

В. Л. Мальков отмечает, что «комментировать этот документ непросто» (с. 211), так как менялись взгляды Г. Стимсона, да и сам Г. Трумэн далеко не все позиции Меморандума разделял, что вскоре проявилось в его все более ужесточавшейся позиции в международных делах, особенно в его отношении к Советскому Союзу, отличающемуся от взглядов и политики Ф. Рузвельта. Довольно отчетливо это проявилось уже на конференции в Потсдаме, о чем детально и живо повествует автор в одной из глав монографии. Подтверждением этих метаморфоз во внешней политике США служила ужасающая картина первых атомных взрывов над двумя японскими городами Хиросимой и Нагасаки. С повышенным интересом в Вашингтоне следили за реакцией Москвы на эти драматические события. США опередили СССР в создании атомного оружия и провели бесчеловечный эксперимент, сбросив атомные бомбы на невоенные объекты, японские города. Отставание было явным. Возникла реальная опасность как для Советского Союза, так и для всей мировой цивилизации. В книге показано как дорого могло стоить человечеству сохранение американской монополии на атомное

оружие. Это особенно остро ощущали разработчики советского оружия. Родилось понятие «неприемлемого риска».

Автор книги скупыми словами передает возникшую «нештатную ситуацию»: «В критические моменты Курчатов не делился ни с кем своими переживаниями. Ю. Б. Харитон, вспоминая о том времени, говорит об особых тяготах заключительной стадии войны и тройном напряжении послевоенных лет, когда после Хиросимы появилось ощущение оказаться вечно догоняющими в обстановке полной неуверенности в надежности международных институтов мира». И далее В. Л. Мальков приводит слова Ю. Б. Харитона: «Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946–1949 годах. Было нелегко и позже. Но этот период по напряженности, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию. Через четыре года после окончания смертельной схватки с фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой» (с. 91).

В связи с этим заслуживает внимания вывод американского историка Д. Холлоуэя. Он пишет: «Испытание советской атомной бомбы произошло раньше, чем ожидалось в Соединенных Штатах. Правительство США приступило к сбору разведывательной информации о советских ядерных исследованиях с весны 1945 г., но не смогло составить ясную картину советского прогресса в этой области, который постоянно недооценивался» (с. 539–540). В июле 1948 г. директор ЦРУ направил Г. Трумэну меморандум, в котором называлась возможная дата создания советской атомной бомбы – середина 1950 г. Затем более вероятной датой называлась середина 1953 г. Через год, 1 июля 1949 г., был повторен тот же прогноз американской разведки. Но менее, чем через два месяца, этот прогноз был опровергнут после первого советского атомного испытания. Директор ЦРУ вынужден был оставить свою должность. Паритет перестал быть далекой целью. О нем заговорили политики и дипломаты. Сопоставляя сроки постройки плутониевого реактора в США и подобного строительства в СССР, В. Л. Мальков приводит свидетельства специалистов, которые считали, что США потребовалось на эту «работу» 3,5 года, а Советскому Союзу – 2,5 года.

Книга В. Л. Малькова посвящена истории, уже далекому прошлому. Но и автор, и думающие читатели его монографии не могут не вернуться вновь к событиям наших дней. Подчас складывается такое впечатление, что многие политики и крупные государственные деятели, находясь в плену своих узких корыстных интересов, забывают о зловещей угрозе, которая все явственнее нависает над человечеством. Именно над человечеством! Потому что досужие размышления невежественных политиков и, особенно, журналистов, о «не такой уже» опасной ядерной войне порождают не только неосведомленность о возможной подлинной всемирной катастрофе, но и сеют ложную уверенность в «победоносной» третьей мировой войне. Невольно обращаешься к приведенной в книге (впрочем, широко известной) запоминающейся и, не дай Бог, пророческой и мрачной, шутке А. Эйнштейна: «Я не знаю, какое оружие будет использовано в Третьей мировой войне, но Четвертую мировую войну люди будут вести с помощью палок и камней» (с. 617).

И в наше время мысли и «физиков» и «лириков» снова и снова обращаются к атомной угрозе. Вот мнения двух известных русских мыслителей-интеллектуалов: историка, академика Ю. А. Полякова и математика, академика Н. Н. Моисеева. В 2006 г. в одной из своих последних публикаций Ю. А. Поляков утверждал: «Взглянем на факты, на жизненные реалии. В мире создано оружие невероятной разрушительной силы. Его применение может уничтожить все живое. Парадокс в том, что в конфликтных ситуациях, не раз возникавших после Второй мировой войны и грозивших глобальным вооруженным столкновением, наличие ядерного оружия служило сдерживающим фактором. В ядерной войне не может быть победителей. Уже несколько государств имеют ядерное оружие. Неизбежно его дальнейшее распространение. Усилия, которые предпринимаются для ограничения числа государств, обладающих оружием массового уничтожения, фактически не дают результатов. Разными путями – тайно или под предлогом “мирного атома” – ряд государств стремится заполоучить смертоносные

материалы. А с увеличением числа обладателей растет угроза его применения в современном, полном конфликтов мире. Ядерное оружие может попасть в руки международных террористов. Вся суть в том, чтобы понять, что такой ситуации, как ныне, не было никогда, что вопрос “или-или” стал реальным (подчеркнуто мной. — И. О.).

Худо будет человечеству, если это не окажется понятным. Поэтому на вопрос, погибнет ли человечество, я отвечаю: “Скорее да, чем нет”³.

О возможности ядерного конфликта размышлял и Н. Н. Моисеев. В 1981 г. он вместе со своими сотрудниками Вычислительного центра Академии наук СССР с помощью математических моделей убедительно доказал, что ядерное оружие способно уничтожить все живое на земле. Однако он выражал надежду, что «вряд ли кто-либо сознательно решится на глобальное самоубийство»⁴. А если несознательно? — спросим мы себя. Возражая оппонентам, Н. Н. Моисеев поясняет свой оптимизм: «Совместные усилия ученых, политиков, деловых людей, религиозных деятелей, журналистов, а также представителей других слоев общества, может быть, придадут человечеству *достаточную Силу и необходимую Волю* для того, чтобы оно могло найти приемлемые пути более или менее безболезненного преодоления неизбежного глобального кризиса и недопущения его перерастания в планетарную катастрофу. На это должны быть направлены усилия всего человечества. Для этого потребуются все разнообразие разумов отдельных людей, как можно более полная реализация способности личности к нетрафаретному мышлению»⁵.

Возвращаясь к монографии В. Л. Малькова, еще сильнее ощущаешь ее актуальность для нашего времени, особенно в условиях грозного противостояния второго десятилетия XXI в. и как бы вторгающегося в эту полемику. И все же последняя страница исследования, где в связи с перспективой безостановочной гонки ядерного оружия констатируются наступившие изменения в 50-е годы XX в. в политике и мышлении Д. Эйзенхауэра — Д. Ф. Даллеса, пришедших к выводу о неизбежности исчезновения «западной цивилизации» в случае атомной войны, рождает надежду на победу здравого смысла и предотвращение суицида всего живого.

Многие американские исследователи уже давно предупреждали об опасности ядерного противостояния. Среди них знаменитый дипломат и историк Д. Ф. Кеннан еще в 70-е годы прошлого века писал: «Величайшая опасность в связи с соперничеством между Советским Союзом и Соединенными Штатами в военной области сейчас кроется не в возможности советского нападения на нас самих или на НАТО; эта опасность заключается в том, что движущая сила грандиозной, бесконечно опасной гонки вооружений может выйти из-под контроля, принять абсолютно безудержный характер и привести всех нас к уничтожению либо в результате дальнейшего распространения ядерного оружия, либо вследствие какого-то несчастного случая»⁶.

Монография В. Л. Малькова настолько многопроблемна по проведенным исследованиям, что в обзорном очерке невозможно даже кратко охарактеризовать достоинства и эффективность результатов огромной научной работы. Поэтому рецензенту пришлось ограничиться лишь несколькими темами. В целом же — это своеобразная энциклопедия кануна ядерного века. В ней отражены и процесс подготовки ядерных исследований, и технология, и главные участники, и, что не менее важно, действия политиков с обеих сторон, игравших ведущую роль в эпоху расцвета атомной дипломатии. Жаль, что в книге нет именного и предметного указателей. Но любому автору и издателю понятно, что это был бы огромный дополнительный труд.

Завершая этот краткий обзор всего лишь некоторых проблем, исследованных В. Л. Мальковым, хочется привести еще одно знаменательное и замечательное по

³ Поляков Ю. А. Погибнет ли человечество? Скорее да, чем нет. — Свободная мысль, 2006, № 11–12, с. 109, 114.

⁴ Моисеев Н. Н. Быть или не быть человечеству? М., 1999, с. 14.

⁵ Там же, с. 56.

⁶ Kennan G. The Cloud of Danger. Boston — Toronto, 1977, Ch. XII.

своему человеческому отношению к судьбе рода людского ностальгическое обращение к будущим поколениям Ю. Б. Харитона.

В своем письменном послании Комитету памяти Оппенгеймера в 1995 г. незадолго до своей смерти он признавал: «Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свершениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, находясь более чем в почтенном возрасте, я уже не уверен, что человечество дозрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома – Земли. Слова покаяния ничего не изменят. Дай бог, чтобы те, кто идет после нас, нашли пути, нашли в себе твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего» (с. 581–582).

Пожалуй, эти слова по праву могут быть смысловым заключением к книге В. Л. Малькова. Поймут ли всё это нынешние политики, определяющие современный миропорядок? Должны понять! Книга В. Л. Малькова может им в этом помочь.